

ЛЮДИ ИСКУССТВА

МОЕМУ старому другу, кинорежиссеру Александру Митте исполнилось недавно пятьдесят.

Незадолго до юбилея, еще не закончив последнюю, очень трудную для него картину, Александр Наумович выложил мне свои планы года на три вперед...

Проработав двадцать лет в кинематографе, достигнув немалых успехов в детском и «взрослом» кино, он вдруг решил попробовать себя в театре.

Один из конкретных замыслов связан с продолжением нашей старой работы — «Гори, гори, моя звезда». Сегодняшнему Искремасу в спектакле будет, вероятно, уже под пятьдесят, а время то же — гражданская война, — и, понимая, что большая часть жизни прожита, он еще настойчивее будет стремиться сделать самое главное: чтобы проросло хотя бы одно из брошенных им зерен. Для меня же возвращение к Искремасу будет возвращением к тому необыкновенно насыщенному времени, когда снимался этот фильм, когда в отчаянных спорах и поисках рождался образ картины.

Фильмы Митты запомнились мне надолго. Уже после «Звонят, откройте дверь» осталось удивительное ощущение гармонии, радостное ощущение встречи с живыми, милыми, духовно наполненными героями... Это был тот счастливый случай, когда из двух составляющих — А. Володина и А. Митты, сценариста и режиссера, — получилось вполне самостоятельное детище, безусловно, наследующее обоням «родителям».

Откуда она, зрелость его первых картин?

Были драмкружок в районном Дворце пионеров в Москве и одновременно изостудия, скульптурная мастерская и оркестр духовых инструментов! — удивительно насыщенное время поисков своего пути.

А после школы — пять лет учебы в институте и серьезный диплом по специальности «градостроение». Была уверенность в том, что его призвание — искусство, и было понимание необходимости чем-то зарабатывать на жизнь, чтобы рождающиеся замыслы могли созреть медленно, не торопясь.

Годы учебы во ВГИКе, в мастерской М. И. Ромма, совпали с рождением «Современника», и первые годы существования нашего театра, неистовство О. Н. Ефремова, жившее в каждом из нас ощущение коллектива, переживавшие каким-то образом и Митте, когда ему удавалось проникнуть в театр и посидеть на репетиции или обсуждении спектакля. Быть может, именно тоска по коллективу, который до конца все равно невозможно создать на съемочной площадке, и приводит сегодняшнего Митту в театр.

Вся его работа, каждый его фильм — это настойчивая проверка собственных идей и убеждений. Так рождались «Друг мой, Колька!» и «Без страха и упрека» — две первые его картины; так продолжается и сейчас.

Не задерживаться в пути, постоянно идти дальше, учитывая в сегодняшней работе ошибки вчерашней, стараясь в завтрашней избежать сегодняшних просчетов; строя на годы вперед планы своей работы и разрушая, смещая их в пользу новой, неразработанной темы, в пользу рискованного, но манящего жанра.

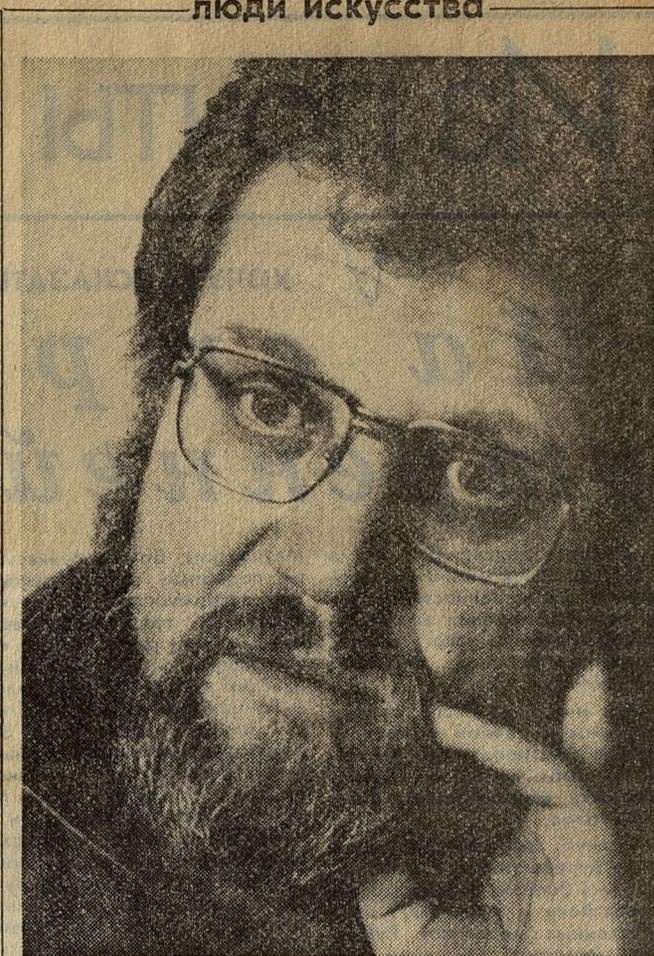
На съемочной площадке он готов поступиться выигранным «режиссерским» кадром ради того, чтобы разгадать актера, раскрыть его на экране. Это просто жажда импровизации, острый интерес ко всему, что произрастает из сути.

Я вновь и вновь вспоминаю работу над фильмом «Гори, гори, моя звезда», нашу первую встречу с Миттой. Начало было трудным, на второй или третий день съемок я несколько раз предлагал режиссеру снять меня, пока не поздно, с роли. Мы ссорились, мирились, пробовали и отвергали какие-то варианты. Но день ото дня во мне креп интерес к своему герою, Искремасу, и к режиссеру, который сумел вовлечь меня в эту работу.

И когда были сломлены рамки «взаимопонимания», на площадке сложилась, не побоясь этого слова, атмосфера истового творчества. Мы многие кадры фильма сняли тогда импровизационно, их не было ни в сценарии, ни в плане, но Митта пошел на это. Теперь я понимаю, что в работе с актером во время съемок Александр Наумович руководствуется отнюдь не режиссерским сценарием, а тем абрисом, тем искомым, сущим, которое видится ему в актере.

Вера в силу актеров, с которыми он работает, и в то же время настойчивость в достижении собственных творческих целей, умение не размениваться, а обогащать свою идею в процессе съемок — вот те качества, которые отличают этого режиссера.

«Искусство должно отвоевывать у прозы жизни плацдарм для поэзии», — эту фразу Германа Густавова Нейгауза любит повторять Мит-

ПЛАЦДАРМ ДЛЯ ПОЭЗИИ

Олег ТАБАКОВ,
народный артист РСФСР

та. Искусство, иными словами, нужно искать там, где оно в настоящий момент людям кажется не искусством.

Не потому ли Митта решил «попробовать» себя в жанре мелодрамы. Появился фильм «Москва, любовь моя» (совместное советско-японское производство), который сам режиссер считает неудачей.

— Я пытался, — говорит Митта, — привести в этот «низкий» жанр свои представления, заставить его обслуживать себя, а жанр — вещь серьезная, имеет свою историю, свои вековые традиции, и неслышавшие в нем работали, и не от глупости человеческой он родился. Потому что потребность в мелодраматическом представлении о мире есть у огромного числа людей, более того, если разобраться, драма всегда живет на хорошей мелодраме, хороший драматический конфликт всегда опирается на мелодраматический конфликт. Я понял это позже, чем надо бы, уже совершив немало ошибок, понял тогда, когда просто стал читать внимательнее драматургию классиков.

— И оказалось, что все классические пьесы, самые сложные и прихотливые характеры опираются на это жесткое разделение черного и белого. Разница в том, что создатель мелодрамы остается как бы на этом первоначальном уровне подросткового мировоззрения, где мир делится на хороших и плохих, где герой — хороший, а противостоящие ему люди — плохие. Я же попытался с самого начала все запутать и усложнить и потерпел поражение. Впрочем, картина, вопреки тому, что я сделал, имела успех.

Не все удалось, как задумывалось, и во второй нашей с Миттой совместной работе — фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Это была попытка соединения едва ли не всех жанров. Картина имела тем не менее успех, и успех заслуженный, потому что ошибки, о которых идет речь, известны и досадны лишь режиссеру, части съемочной группы, да еще образным женщинам, пишущим о кино.

Происходит это, наверное, потому, что, приступая к работе над картиной, Александр Наумович всегда исходит из концепции идеального фильма, который должен потрясти максимальное число зрителей и сообщить им нечто очень важное и серьезное. Так замысливался и «Экипаж», собравший гигантскую аудиторию. За год до съемок Митта озадачил профессионалов, заявив на одном из совещаний, что намерен продемонстрировать в будущем фильме действия «формулы успеха», которая независимо от художественных достоинств обеспечит фильму зрительский успех.

О «формуле успеха» поговорили кто с иронией, кто с интересом и забыли. Митта сдержал обещание. Суть дела была не в формуле, внутри этого фильма бьется и пытается вырваться за каркас сюжета другой — простой, ясный, человеческий, фильм о мужской дружбе, о человеческой солидарности. Мне-то фильм понравился именно этим. Но в процессе производства картины и замысел претерпевает изменения, а эта интрига между замыслом и реальным лентой и есть самое увлекательное в кино.

Потому что просто снимать кино — сценка за сценкой, одна за другой — лепить их по сценарию, это процесс достаточно утомительный и безрадостный. А когда ты чувствуешь, что есть какая-то интрига во всем, что ты делаешь, когда маленькие эти кусочки дают не арифметическую, а алгебраическую сумму, возникает нечто большее, чем то, чего ожидал, — вот этот процесс увлекателен для Митты, для актеров, которые с ним работают.

Каждый режиссер начинает картину с мыслью сделать что-то значительное. Когда не все получается — это результат не малого, как многие думают, режиссерского усердия, а того, что в кинематографе сталкиваются слишком много интересов: актера, режиссера, сценариста, оператора, интересы производства, просто реальные обстоятельства, которые не позволяют до конца выполнить задуманное, или деформации замысла, когда из-за таланта людей, участвующих в работе над фильмом, что-то, что было второстепенным вначале, выходит на первый план. Процесс создания картины всегда очень живой и, подчас, драматичный.

На экраны выходит новая картина Александра Митты «Сказка странствий».

— В ней, — говорит режиссер, — я тоже пытался проверить некоторые очень важные для меня идеи. Мне, например, кажется, что у нас, к сожалению, подвиг в сказке подчас выглядит неярко, потому что ему в картине не противостоит достаточно конкретное зло. Получается, как на старых иконах, где образы с оружием в руках изображаются большими, а зло «из педагогических соображений» рисуется таким крошечным зверьком, вроде полукотенка, полусобаки. Сегодня мы видим в мире такое количество зла, которое требует максимальной мобилизации и человеческих, и коллективных сил. Идея коллективного подвига, легшая в основу фильма «Экипаж», была для меня главной и в «Сказке странствий» среди сказочных драконов и чудищ, воплощающих вполне реальное, но преодолимое зло. Я хочу научить детей не бояться страшного, а держась за руки, преодолевать страх.

Митта неуверенно чувствует себя среди тех героев, которых ему нужно осуждать. А если герой нуждается в его защите, каким бы, на первый взгляд, «отрицательным» он ни был, режиссер ищет внутренние мотивы его поведения. Он уверен, что правда — в кинематографе, на сцене ли, где бы то ни было — может и должна быть предельной, абсолютной, в нее надо верить безоговорочно. Иначе не поверит и зритель, а тогда зачем все это?..

Прочитав написанное, я увидел, что сказал в равной мере и о победах Александра Митты, и о том, что не получилось, что помешало достичь совершенства. Но по-другому не мог, поскольку знаем мы друг друга давно, душой друг перед другом кривить не привыкли.

И все же, что главное в нем? Пожалуй, требовательность к себе как к художнику, к человеку. И умение, мужество ставить перед собой очень высокие цели и идти к ним, не сворачивая с пути.

● Заслуженный деятель искусств РСФСР А. Митта.
Фото Л. Маркова.